

Памяти К. Н. Леонтьева.

I.

Къ письмамъ ко мнѣ покойнаго Константина Николаевича Леонтьева, только что закончившимся печатаніемъ, считаю нелишнимъ присоединить нѣсколько страницъ, посвященныхъ его памяти.

Здѣсь найдутъ себѣ мѣсто и сжатая канва для его біографіи, и краткій обзоръ его литературной дѣятельности, и краткія воспоминанія о моемъ съ нимъ знакомствѣ.

Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ—одинъ изъ наиболѣе своеобразныхъ и въ высшей степени интересныхъ русскихъ писателей.

Интересенъ онъ и по своей яркой и разнообразной, кипучей и полной переворотовъ, необычайно богатой внѣшнимъ и внутреннимъ содержаніемъ жизни, и по столь многогранному и сложному и въ то же время столь цѣльному и простому въ своей основѣ міросозерданію, и по особенностямъ своего оригинальнаго и смѣлаго, полнаго несокрушимой силы и тонкой, нѣжной граціи, литературнаго таланта, и по своеобразію своей литературной судьбы.

Происходя изъ стараго, но уже нѣсколько обѣднѣвшаго, дворянскаго рода, родился онъ 13-го января 1831 года въ родовомъ имѣніи отца—селѣ Кудиновѣ, Калужской губ., Мещовскаго уѣзда.

Онъ былъ самымъ младшимъ, послѣднимъ ребенкомъ у своей матери, и притомъ,—какъ рассказывалъ мнѣ самъ,—не былъ ею доношенъ, родившись не девяти, а всего семи

мѣсяцевъ,—„какъ Владиміръ Соловьевъ“, прибавлялъ онъ. Опасаясь за его жизнь, его въ первые дни послѣ его рожденія подвѣшивали, завернувъ въ заячью шкурку, къ потолка бани, пока онъ не окрѣпнѣ.

Первоначальное домашнее воспитаніе получилъ онъ подъ руководствомъ своей матери Θεодосіи Петровны, урожденной Карабановой, отлѣтно кончившей курсъ въ Петроградскомъ Екатерининскомъ институтѣ и лично извѣстной покойной императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ. Поступивъ затѣмъ въ кадетскій корпусъ, онъ вскорѣ перевелся изъ него въ Калужскую гимназію (въ 1841 г.). По окончаніи въ ней курса поступилъ (въ 1849 г.) въ Ярославскій Демидовскій Лицей: но тамъ тогда, какъ онъ говорилъ впоследствии, „такъ мало занимались“, что онъ „испугался и соскучился“, и среди зимы того же года перешелъ на медицинскій факультетъ Московскаго Университета, поселившись въ домѣ своихъ московскихъ родственниковъ.

За годъ до полнаго окончанія университетскаго курса онъ, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ студентовъ, выразилъ желаніе, по случаю начала Крымской кампаніи, поступить на военно-медицинскую службу, и, сдавъ экзаменъ на степень лѣкаря (въ маѣ 1854 г.), отправился въ Крымъ военнымъ врачомъ. Но дѣятельность его въ качествѣ доктора продолжалась всего семь лѣтъ (1854—1861 г.г.): сначала онъ состоялъ врачомъ Бѣлевскаго егерскаго полка, затѣмъ младшимъ ординаторомъ Керчь-Еникальскаго и Θεодосійскаго военныхъ госпиталей и, наконецъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій, сельскимъ и домашнимъ докторомъ въ нижегородскомъ имѣніи барона Д. Г. Розена.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ К. Н. Леонтьевъ мѣняеть поприще медика на поприще дипломата, занимая въ теченіе десяти лѣтъ (1863—1873 г.г.) должности: сначала секретаря консульства на островѣ Критѣ, затѣмъ управляющаго консульствомъ въ Адрианополь, вице-консула въ Тульчѣ и, наконецъ, консула въ Янинѣ и Салоникахъ.

Столь блестяще начатая дипломатическая карьера обрывается удаленіемъ его на Аѳонъ, гдѣ онъ въ уединеніи, подъ руководствомъ аѳонскихъ старцевъ, проводитъ около года (въ 1871 г.).

Выйдя вскорѣ послѣ того въ отставку, онъ съ 1873 года

жилъ то помѣщикомъ на родинѣ, въ своемъ поэтическомъ Кудиновѣ, то послушникомъ Никола-Угрѣшскаго монастыря, близъ Москвы, то въ Варшавѣ помощникомъ редактора газеты *Варшавскій Дневникъ*, а съ 1881 г. вновь поступаетъ на службу и поселяется въ Москвѣ уже цензоромъ Московскаго Цензурнаго Комитета.

Въ 1887 г. К. Н. Леонтьевъ окончательно вышелъ въ отставку и поселился полу-помѣщикомъ, полу-монахомъ въ Оптиной Пустыни, снявъ у монастыря въ аренду отдѣльный домъ съ садомъ у самой монастырской стѣны.

Лѣтомъ 1891 г. онъ, съ благословенія извѣстнаго оптинскаго старца о. Амвросія, подъ духовнымъ руководствомъ котораго находился до самой его смерти, привялъ въ Оптиной Пустыни тайный постригъ съ именемъ Климента, и въ концѣ августа того же года переѣхалъ въ Сергіевъ Посадъ, въ Новую Лаврскую гостиницу, гдѣ 12-го ноября того же 1891 года скончался, и похороненъ близъ Троицкой лавры, въ Геѣсиманскомъ скиту, на кладбищѣ у церкви Черниговской Божіей Матери.

II.

Писать покойный К. Н. Леонтьевъ началъ очень рано. Еще будучи студентомъ, онъ принесъ на просмотръ самому знаменитому писателю того времени И. С. Тургеневу свои первые опыты. Тургеневъ отнесся къ начинающему писателю въ высшей степени внимательно и любезно, ободреніемъ своимъ и похвалой окрыливъ первые его литературные шаги. Но первыя студенческія произведенія Леонтьева,—драматическая пьеса „Женитьба по любви“ (1851 г.) и первыя главы повѣсти „Булавинскій Заводъ“ (1852 г.),—предназначенныя для петроградскихъ журналовъ—*Современникъ* и *Отечественныя Записки*, были запрещены цензурой и не вышли въ свѣтъ. Первымъ произведеніемъ его, появившимся въ печати, была повѣсть „Благодарность“, въ рукописи носившая названіе „Нѣмцы“. Напечатана она была въ 1854 г. въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (литер. отд. №№ 6—10) за подписью ***. Литературнымъ воспріемникомъ ея, при появленіи въ печати, былъ редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* М. Н. Катковъ, отнесшійся къ юному автору съ неменьшимъ вниманіемъ и любезностью, чѣмъ И. С. Турге-

невъ, и,—какъ разсказывалъ мнѣ впоследствии покойный К. Н. Леонтьевъ,—въ знакъ особаго поощренія и трогательной ласки, самъ вынесшій ему первый литературный гонораръ его въ простомъ нитяномъ кошелькѣ, наполненномъ золотомъ.

К. Н. Леонтьевъ блестяще оправдалъ надежды своихъ литературныхъ воспріемниковъ,—и знаменитаго романиста, и знаменитаго публициста,—ставъ крупнымъ и въ высшей степени своеобразнымъ писателемъ и въ той и въ другой области.

Особеннымъ своеобразиемъ и красотой въ области беллетристики отличаются его повѣсти и рассказы изъ жизни на Востокъ, печатавшіеся преимущественно въ *Русскомъ Вѣстникѣ* М. Н. Каткова и затѣмъ вышедшіе отдѣльно, въ трехъ томахъ, подъ общимъ заглавіемъ „Изъ жизни христіанъ въ Турціи“. М. 1876 г. Центральное мѣсто среди нихъ по удивительной художественности, мастерству душевнаго анализа, необыкновенно тонкой, филигранной работѣ и прекрасному, кристально чистому языку занимаютъ „Воспомнанія загорскаго грека Одиссея Полихроніадеса“.

Какъ публицистъ и писатель въ области религіозно-философской мысли, К. Н. Леонтьевъ необычайно оригиналенъ, самобытенъ и смѣлъ. Большинство статей его этого рода вошли въ сборникъ, названный имъ „Востокъ, Россія и Славянство“. М. 1885—1886 г.г. Два тома. Наиболѣе крупная и по значенію и по размѣрамъ статья этого сборника--- „Византизмъ и Славянство“.

Совершенно особое мѣсто среди сочиненій К. Н. Леонтьева занимаетъ напечатанная первоначально въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1879 г., книги 11 и 12) и затѣмъ изданная отдѣльно брошюрой своеобразная статья біографическаго характера „Отецъ Климентъ Зедергольмъ, іеромонахъ Оптиной Пустыни“, замѣчательная по тонкости и глубинѣ анализа челоуѣческой души вообще и монашеской въ особенности. Въ 1909 г. Шамординскій монастырь переиздалъ эту брошюру третьимъ изданіемъ. Значить, она расходуется, имѣетъ свой кругъ читателей (всего скорѣе среди монашества и людей, имѣющихъ съ нимъ соприкосновеніе).

Изъ другихъ напечатанныхъ предварительно въ періодическихъ изданіяхъ статей его вышли при его жизни от-

дѣльными изданіями, кажется, лишь слѣдующія небольшія, но очень характерныя для его міросозерцанія брошюры: „Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ?“, „Наши новые христіане—Ф. М. Достоевскій и гр. Л. Н. Толстой“ и „Наша національная политика, какъ орудіе всемірной революціи“.

Въ 1912 г., т. е. по прошествіи уже болѣе 20 лѣтъ послѣ его смерти, вышла отдѣльною книгой очень интересная и цѣнная критическая статья его „О романахъ гр. Л. Н. Толстого“, напечатанная имъ ранѣе въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (въ 1890 г.) и представляющая удивительно своеобразный и тонкій разборъ романовъ „Война и миръ“ и „Анна Каренина“.

Очень интересны и цѣнны напечатанныя въ 1912 г. *Богословскимъ Вѣстникомъ* „Письма съ Аѳона“ К. Н. Леонтьева, сейчасъ же съ большою охотой перепечатанныя *Религиозно-Философскою Библиотекой* М. А. Новоселова, а раньше много лѣтъ оставшіяся погребенными въ архивѣ редакціи.

Наконецъ, съ того же 1912 г. стало было выходить „Собраніе сочиненій“ К. Н. Леонтьева, задуманное въ 12 томахъ. Вышло было 9 томовъ, но печатаніе X-го пріостановилось, такъ какъ на всѣ изданія фирмы „Культура“,—въ томъ числѣ и на изданіе „Собранія сочиненій“ К. Н. Леонтьева,—наложенъ арестъ, и неизвѣстно, когда будетъ снятъ этотъ арестъ и будетъ ли изданіе доведено до конца.

Вообще литературная судьба К. Н. Леонтьева своеобразна и трагична. У него были при жизни, есть и теперь—отдѣльные восторженные поклонники, были при жизни, есть и теперь—даже небольшіе кружки горячихъ почитателей, ставящихъ его очень высоко; но большая публика, широкіе круги читателей—не знали его при жизни, не знаютъ и теперь, прямо не имѣли и не имѣютъ о немъ никакого понятія. Объясняется это прежде всего тѣмъ, что онъ безстрашно и непреклонно плылъ „противъ теченія“, шелъ противъ господствовавшаго въ его время „духа вѣка“, за которымъ шла современная ему толпа. Часть противниковъ его, болѣе простодушная, искренно не понимала его,—до того ей рѣчи его казались странными и дикими; другая же часть, болѣе понятливая, намѣренно предпочитала не разъ уже испытанную предательскую тактику замалчиванія слишкомъ рискованному съ такимъ сильнымъ, какъ онъ, противникомъ, ак-

тивному отпору, открытому, честному бою, съ поднятымъ забраломъ. Къ тому же онъ былъ слишкомъ своеобразенъ и самобытенъ, слишкомъ, какъ говорится, „на свой салтыкъ“, чтобы примыкать къ какому-либо хоть сколько-нибудь видному направленію, хоть сколько-нибудь вліятельной партіи, чтобы имѣть въ нихъ поддержку. На него всѣ какъ-то покашивались даже изъ людей родственныхъ и близкихъ ему по убѣжденіямъ, пугаясь его необычайной порой смѣлости и кажущейся парадоксальности.

Послѣ смерти его, особенно въ послѣднее время, разговоры о немъ въ печати стали какъ будто болѣе частыми, но зато, къ сожалѣнію, нерѣдко и довольно вздорными: о мертвомъ можно говорить что угодно, рядить его въ какія угодно перья,—отпора отъ него не встрѣтишь. Пронеслось и стало даже какъ будто утверждаться сближеніе его съ Ницше, названіе его „русскимъ Ницше“. Этимъ, кажется, по старому холопству нашему предъ Европой, думали сдѣлать ему даже большой комплиментъ.

Но большій ли это комплиментъ или большая обида,—а большій интересъ къ К. Н. Леонтьеву въ широкихъ слояхъ русской читающей публики это вызвать во всякомъ случаѣ могло; могло, слѣдовательно, создать и спросъ на его сочиненія и познакомить, наконецъ, русскаго читателя съ *настоящимъ* К. Н. Леонтьевымъ, съ такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, а не съ такимъ, какимъ его стали изображать его новые истолкователи. Къ сожалѣнію, до самаго послѣдняго времени такого знакомства съ сочиненіями К. Н. Леонтьева быть не могло, потому что... достать ихъ было почти невозможно: ихъ до самаго послѣдняго времени не было въ продажѣ; они, кромѣ брошюры „О. Климентъ Зедергольмъ“, долго были библиографической рѣдкостью. Ихъ давно слѣдовало бы переиздать, но у наследниковъ его не было средствъ, а издателей не находилось...

Удивительное, право, дѣло: на изданіе всевозможной вредной или, въ лучшихъ случаяхъ, совершенно бесполезной умственной трухи и нерѣдко многотомнаго литературнаго хлама, ежегодно засоряющаго нашъ книжный рынокъ, издателей у насъ сколько угодно, а на изданіе сочиненій одного изъ самыхъ даровитыхъ и своеобразныхъ нашихъ писателей - издателей у насъ нѣтъ! И добродушная читающая

публика наша читаетъ и почитываетъ предлагаемый ей въ изобиліи литературный хламъ, до пресыщенія зачитываясь пресловутымъ европейцемъ Ницше, въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ выброшеннымъ на русскій книжный рынокъ въ едва грамотныхъ и совершенно безграмотныхъ переводахъ,— имя и сочиненія его навязали у нея въ зубахъ,—а сочиненій одного изъ величайшихъ и оригинальнѣйшихъ выразителей самобытной русской культурной мысли К. Леонтьева она не читаетъ, не знаетъ и не можетъ знать,—ихъ нѣтъ въ продажѣ; самаго имени его среди нея почти никто не знаетъ...

Странное положеніе, удивительно своеобразная и трагическая литературная судьба!

III.

Знакомство мое съ покойнымъ Константиномъ Николаевичемъ Леонтьевымъ относится къ семи послѣднимъ годамъ его жизни (1884—1891 гг.).

Встрѣтилъ я его въ первый разъ зимой 1884 г. на одной изъ „пятницъ“ покойнаго П. Е. Астафьева, бывшаго тогда завѣдующимъ университетскаго отдѣленія Московскаго Лицея, основаннаго знаменитымъ публицистомъ редакторомъ-издателемъ *Русскаго Вѣстника* и *Московскихъ Вѣдомостей* М. Н. Катковымъ, бывшимъ въ мое время директоромъ Лицея, въ зданіи котораго (на углу Остоженки, близъ Крымскаго моста) имѣлъ квартиру П. Е. Астафьевъ, очень любимый лицейскими студентами.

Литературно-музыкальныя „пятницы“ П. Е. Астафьева, на которыхъ можно было встрѣтить представителей міровъ профессорскаго, писательскаго и артистическаго, бывали обыкновенно очень интереснымъ и живыми, и охотно посѣщались студентами, имѣя для нихъ большое воспитательно-образовательное значеніе: будили мысль, облагораживали сердце, развивали вкусъ.

Мнѣ было тогда 23 года; я былъ студентомъ Лицея и частымъ посѣтителемъ „пятницъ“ Астафьева.

Нерѣдкимъ гостемъ этихъ „пятницъ“ бывалъ и К. Н. Леонтьевъ. Здѣсь прочелъ онъ подготовлявшіяся имъ въ то время къ печати воспоминанія о своихъ студенческихъ го-

дахъ и о знакомствѣ съ Тургеневымъ, а также начало своего романа „Двѣ избранницы“.

Кромѣ занятій литературною дѣятельностью, онъ былъ занятъ въ то время еще своею службой въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ.

К. Н. Леонтьева стоило увидѣть разъ, и образъ его неизгладимо врѣзывался въ память на всю жизнь.

Когда я впервые его встрѣтилъ, ему было 53 года. Несмотря на ясно начинавшіе уже сказываться слѣды разстроеннаго здоровья, это былъ все еще очень живой и бодрый, согрѣтый неистощимымъ пламенемъ внутренней энергии человѣкъ съ отпечаткомъ благородной и красивой барственности, какъ въ изящныхъ, тонкихъ чертахъ лица, такъ и во всей его видной, представительной фигурѣ.

Умные, красивые каріе глаза, высокій, прекрасный лобъ, при взглядѣ на который невольно приходило въ голову выраженіе: „ума палата“, тонкій, правильный, словно искусно выточенный профиль, волосы въ скобку, съ проборомъ съ лѣвой стороны, хорошо спитая русская поддѣвка, которую онъ постоянно носилъ, не желая имѣть дѣла съ европейскимъ костюмомъ — привлекали къ нему общее вниманіе всюду, гдѣ бы онъ ни находился. Пріятный, громкій голосъ, интересная, живая, крайне своеобразная, самобытная рѣчь, полная яркихъ образовъ, неожиданныхъ, мѣткихъ сравненій, искрометнаго остроумія—довершали чарующее впечатлѣніе отъ него и окончательно дѣлали его центромъ общаго вниманія, особенно со стороны молодежи, болѣе отзывчивой и чуткой, чѣмъ старшее поколѣніе, успѣвшее сложиться и застыть въ иныхъ возрѣніяхъ, часто совершенно противоположныхъ тому, что проповѣдывалъ онъ.

Для характеристики содержанія его проповѣди и впечатлѣнія ея на меня и моихъ товарищей позволю себѣ привести здѣсь стихотвореніе, посвященное ему мною послѣ перваго же моего съ нимъ знакомства.

Чародѣй.

Вокругъ него внимательной толпою
Стояли мы... Глаголь его звучалъ,
Лился' широкой, бурною рѣкою,
Небеснымъ громомъ грохоталъ.

Громилъ онъ духъ мельчающаго вѣка
 И отживающей Европы торжество,
 И рабство русскаго предъ нею человѣка,
 Холопство давнее его.

Но онъ любилъ родимую Россію,
 Онъ вѣрилъ ей и зналъ, что въ ней любить:
 Онъ видѣлъ въ ней великаго Мессію,
 Грядущаго народы обновить.

Поклонникъ красоты, всего другого прежде
 За прозу пошлую онъ съ вѣкомъ враждовалъ,
 Въ религіи, въ характерахъ, въ одеждѣ,
 Въ исторіи—прекраснаго искалъ.

Глаголь его могучій, непокорный
 Былъ чуждъ погрязшей въ пошлости толпѣ,
 Но чуткихъ юношей привлекъ сердца къ себѣ
 Онъ силой животворной.

И думалъ онъ: „Какъ старый чародѣй
 „Передастъ свое завѣтное искусство,
 „Такъ я въ нихъ перелью мой мечты и чувства
 „Предъ смертью близкою своей!“

Москва. 1884 г.

Стихотвореніе это, послѣдняя строфа котораго представляеть переложеніе его собственныхъ словъ, примѣненіе имъ къ себѣ извѣстнаго народнаго повѣрія о колдунѣ, черезъ П. Е. Астафьева дошло до него, понравилось ему, и съ тѣхъ поръ какъ я, такъ и товарищи мои стали частыми посѣтителями второго этажа темнокоричневаго деревяннаго двухъ-этажнаго дома Авдѣевой въ Денежномъ переулкѣ Пречистенки, гдѣ онъ тогда жилъ.

Бесѣды его дѣйствовали на насъ чарующе. Его же радовало, занимало такое отношеніе къ нему молодежи. Долгіе осенніе и зимніе вечера въ его квартирѣ летѣли, какъ волшебныя мгновенія...

„ Не любилъ онъ, когда кто-либо изъ насъ въ первую пору нашего знакомства съ нимъ, боясь утомить его долгимъ визитомъ, начиналъ поглядывать на часы, вынимая ихъ изъ своего кармана и собираясь встать и проститься.

— Оставьте вы въ покоѣ эту вашу европейскую машинку,—говорилъ онъ.—Я самъ скажу, когда вамъ надо будетъ уходить.

Такъ это впослѣдствіи и наладилось у насъ: мы сидѣли у него, ловя каждое его слово и совершенно не замѣчая времени, пока онъ самъ не объявлялъ намъ (часовъ въ 10, въ 11 вечера), что намъ пора уходить.

Принималъ онъ только по вечерамъ. На парадной двери его квартиры была даже надпись, что звонить съ этого хода можно только съ 7 часовъ вечера. Въ утренніе часы онъ никому не позволялъ его беспокоить: это были часы неприкосновенные, часы полного одиночества и работы; даже никто изъ домашнихъ не могъ входить къ нему безъ его зова. Зато ни по вечерамъ, ни по ночамъ онъ никогда не работалъ: ночь отдавалась имъ сну, вечеръ—общенію съ людьми. Если онъ самъ никуда не уѣзжалъ и никого у него не было, то онъ проводилъ вечера въ кругу своихъ домашнихъ.

Домашніе эти состояли изъ жены и слугъ. Дѣтей у него никогда не было.

Когда онъ былъ военнымъ врачомъ въ Крыму, онъ женился на крымской гречанкѣ, дочери мелкаго торговца въ Феодосіи, дѣвушкѣ очень красивой, необыкновенно милой, доброй, жизнерадостной, полной природной поэзіи и граціи. Узнавъ ее въ позднѣйшіе годы ея жизни, когда у нея, послѣ перенесенной ею психической болѣзни, оставался лишь слабый слѣдъ всего прежняго, я храню о ней тѣмъ не менѣе самое пріятное воспоминаніе, какъ о миломъ, добромъ, взросломъ больномъ ребенкѣ, какою я ее зналъ. Елизавета Павловна Леонтьева, вдова Константина Николаевича, жива и до сихъ поръ. Она живетъ въ Орлѣ, при женскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ племянницей покойнаго мужа Маріей Владиміровной Леонтьевой на оставшуюся имъ послѣ него пенсію.

Слугъ у Леонтьева въ періодъ моего знакомства съ нимъ въ Москвѣ было трое: кухарка Таиса Семеновна, пожилая женщина, бывшая дворная его матери, вывезенная имъ изъ имѣнія его с. Кудинова, Калужской губ., большую часть времени проводившая въ своей кухнѣ, затѣмъ горничная, молодая женщина Варя и молодой мужъ ея Александръ, служившій Константину Николаевичу главнымъ образомъ для посылокъ по разнаго рода порученіямъ; оба они по вечерамъ большую часть времени проводили у него въ комнатахъ и прислуживали при гостяхъ.

Слуги Леонтьева были не столько „слугами“ въ нашемъ современномъ смыслѣ, сколько „домочадцами“ въ старорусскомъ, домостроевскомъ пониманіи этого слова. Варю еще 12-лѣтнею дѣвочкой привела къ нему, когда онъ, вернувшись съ Востока, жилъ у себя въ Кудиновѣ (вскорѣ послѣ того, по нуждѣ, съ большою скорбью, имъ проданномъ), ея мать, бывшая крѣпостная его матери, прося его похѣлить ея больныя глаза. Тихая дѣвочка, такъ довѣрчиво, съ такою надеждою смотрѣвшая на него своими больными глазками и такъ покорно исполнявшая все его предписанія, очень ему понравилась, и, вылѣчивъ ея глаза, онъ оставилъ ее у себя въ домѣ для услугъ. Такъ она у него въ домѣ и выросла, переѣхала съ нимъ въ Москву и отдана была имъ потомъ замужъ за приглянувшагося ей красиваго молодого парня Александра Пронина изъ подмосковной деревни Мазилова, гдѣ Константинъ Николаевичъ жилъ одно время на дачѣ.

Отношенія къ слугамъ (и вообще къ простонародью) Леонтьева, строгаго аристократа по убѣжденіямъ, горячаго проповѣдника сословности, были очень своеобразны, очень отличаясь, на примѣръ, отъ отношеній къ нимъ убѣжденнаго демократа гр. Л. Н. Толстого, которыя я имѣлъ возможность близко наблюдать, когда жилъ въ его домѣ въ Хамовникахъ, въ Москвѣ. Отношенія къ слугамъ (и къ простонародью вообще) гр. Л. Н. Толстого отзывались какою-то искусственностью, дѣланностью. Отношенія къ нимъ К. Н. Леонтьева были трогательно просты, задушевы; они были какъ-то особенно, на свой манеръ, патріархальны, строго-любовны, отечески-добродушны, барственнно-человѣчны (если можно такъ выразиться). Онъ былъ очень требователенъ къ нимъ, приучая ихъ къ строгому и аккуратному исполненію своихъ обязанностей, внимательному отношенію къ его привычкамъ и всему укладу его жизни, а также и усвоенію „хорошихъ манеръ“ (которымъ онъ училъ даже нищихъ, обращавшихся къ нему за подаеніемъ и обыкновенно не встрѣчавшихъ отказа). Но строгія замѣчанія его были въ то же время такъ отечески-добродушны и такъ остроумны, что положительно занимали ихъ, оживляли, подбодряли; къ тому же онъ съ такою сердечностью и добротой входилъ во все нужды ихъ собственной жизни,

матеріальной и духовной, что окончательно плѣнялъ и покорялъ ихъ: они очень любили его, любовались имъ, гордились и были ему искренно преданы.

Къ большому огорченію нашего молодого студенческаго кружка, разстроенное здоровье заставило К. Н. Леотьева выйти въ отставку и весной 1887 года удалиться на покой въ Оптину Пустынь родной ему Калужской губерніи.

Онъ перевезъ туда съ собой и всѣхъ домашнихъ своихъ, всю „сборную“, какъ онъ ее называлъ, семью свою.

Сначала онъ уѣхалъ въ Оптину Пустынь одинъ и поселился на первое время въ скиту ея; затѣмъ перебрался изъ него въ небольшой двухъэтажный домъ-особнякъ съ садомъ, расположенный сейчасъ же за монастырскою оградой, который арендовалъ у монастыря до конца пребыванія своего въ Оптиной Пустыни. Сюда выписалъ онъ и супругу свою Елизавету Павловну, и молодыхъ, вѣрныхъ слугъ своихъ Варю съ Сашей, принялъ повара не изъ дорогихъ замѣтъ Таисы Семеновны, оставшейся въ Москвѣ и поступившей тамъ въ богадѣльню, и мальчика изъ сосѣдней деревни Петрушу, въ помощь Варѣ, у которой пошли уже дѣти, и Сашѣ, которому прибавилось работы въ саду и по уходу за купленною недорогою лошадкою для катанья и рѣдкихъ поѣздокъ къ сосѣдямъ-помѣщикамъ (кн. А. Д. Оболенскому, кн. Вяземскому, Н. М. Бобарыкину, Кишкину и др.), и зажилъ здѣсь совершенно своеобразною, какою-то полу-монашескою, полу-помѣщичьею жизнью, полною религиозно-трогательной, милой и тихой поэзіи, и плѣнительной красоты патриархальнаго стариннаго православно-русскаго уклада, добродушно-барскаго и въ то же время удивительно изящнаго и очень чуткаго къ движенію современной государственной, общественной и литературной мысли.

Кромѣ мѣстныхъ монаховъ и сосѣднихъ помѣщиковъ, у Леотьева бывали иногда и гости, пріѣзжавшіе въ Оптину Пустынь болѣе или менѣе издалека: и какіе-то любознательные путешественники французы изъ Парижа, дивившіеся прекрасному знанію имъ французской исторіи („очень немногіе знаютъ ее такъ и во Франціи!“ съ изумленіемъ говорили они), и государственный контролеръ Т. И. Филипповъ, и тогда еще товарищъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода В. К. Саблеръ, и гр. Л. Н. Толстой, и Вл. С. Соловьевъ, и

И. Л. Щегловъ, и юные поклонники Константина Николаевича московскіе студенты, частію только что кончившіе, частію еще продолжавшіе свой курсъ.

Почти каждое лѣто, хотъ не надолго, ѣздилъ въ Оптиную Пустынь и я, пока тамъ жилъ Леонтьевъ, чтобы повидаться и побесѣдовать съ нимъ и благословиться у знаменитаго оптинскаго старца отца Амвросія.

Въ Оптиной Пустыни получилъ благословеніе и мой бракъ. Отецъ Амвросій, одобривъ мой выборъ, благословилъ и меня, и мою невѣсту. Леонтьевъ, бывшій сначала противъ моего брака, раздѣляя мнѣніе И. С. Тургенева, говорившаго, что поэтическая дѣятельность и бракъ—враги, подчинился рѣшенію старца, примирился съ моимъ бракомъ и сталъ относиться къ молодой женѣ моей такъ же сердечно и отечески-любовно, какъ и ко мнѣ.

Слѣдующее послѣ моего брака лѣто (1889 г.) я провелъ въ Оптиной Пустыни все цѣликомъ, остановившись съ женой въ монастырской гостиницѣ, но ежедневно обѣдая и цѣлые дни проводя у Константина Николаевича, то сидя съ нимъ въ его домѣ или на балконѣ, то гуляя съ нимъ по его милому саду или вѣковому бору, подступавшему къ самому монастырю, то катаясь съ нимъ на его лошаdkѣ, то посѣщая вмѣстѣ съ нимъ сосѣднихъ помѣщиковъ, и бесѣдуя, бесѣдуя, бесѣдуя съ нимъ безъ конца, или, точнѣе, заслушиваясь цѣлыми часами, летѣвшими какъ минуты, его интересныхъ живыхъ разсказовъ и горячихъ, вдохновенныхъ, крайне своеобразныхъ рѣчей, художественно яркихъ, увлекательно смѣлыхъ и удивительно остроумныхъ иллюстрацій къ его произведеніямъ, на темы религіозныя, философскія, литературныя, историческія и обще-житейскія, витая вострепенувшею мыслью въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, въ мгновеніе ока переносясь изъ вѣка въ вѣкъ, отъ государства къ государству, отъ народа къ народу, неистанно возвращаясь все вновь и вновь къ родимой Россіи: зорко вглядываясь въ ея судьбы и задачи, глубоко, всесторонне и тонко анализируя ихъ, пламенѣя жаждой неуклоннаго и неизмѣннаго слѣдованія съ ея стороны путемъ самобытной, православно-русской культуры вѣлніямъ Бога...

Хорошее это было время въ моей жизни, и свѣтъ дня, незабвенныя воспоминанія сохранились у меня о немъ! Я

только что кончилъ тогда курсъ университета, былъ оставленъ для подготовленія къ кафедрѣ русскаго языка и словесности и только что женился. Поступленіе подѣ духовное руководство оптинскаго старца отца Амвросія, дружба и частыя бесѣды, устные и письменныя, съ такимъ человекомъ, какъ К. Н. Леонтьевъ, жизнь въ Москвѣ въ домѣ гр. Л. Н. Толстого, одному изъ сыновей котораго (Андрею), готовившемуся къ поступленію въ гимназію Л. И. Поливанова, я давалъ тогда, по желанію графини Софіи Андреевны, уроки по Закону Божію и географіи, и, наконецъ, занятія любимую наукою и первыя, юношески-благоговѣйныя выступленія на литературномъ поприщѣ—все это вносило въ мою жизнь яркое, цѣнное, богатое разнообразіемъ содержаніе, слѣды котораго неизгладимы и незабвенны...

Изъ эпизодовъ, ознаменовавшихъ собой пребываніе мое этимъ лѣтомъ въ Оптиной Пустыни, весьма характеренъ для К. Н. Леонтьева слѣдующій.

Начальникъ ремесленной школы Валерій Фелиціановичъ Мейсснеръ снялъ съ него фотографію (послѣдній портретъ его), и одна изъ сосѣднихъ помѣщицъ, жена предсѣдателя Калужской Земской управы Княгиня Марія Владиміровна Вяземская, молодая, милая, очень красивая, часто ѣздившая молиться въ Оптину Пустынь, просила Константина Николаевича подарить ей одну изъ фотографическихъ карточекъ съ какою-нибудь надписью.

Константинъ Николаевичъ просилъ меня написать вмѣсто него, отъ его лица, акrostихъ на ея имя и фамилію—въ такомъ духѣ: „хотя ты и очень мила, но лучше всего то, что ты молишься. Не забывай же Бога никогда“.

На другой день я принесъ ему слѣдующее стихотвореніе:

Акrostихъ княгинѣ М. В. Вяземской.

Мой другъ! Вы молоды, богаты красотой,
 А я—старикъ... Мой путь ужъ недалекъ...
 Ребенокъ милый Вы, ласкаемый судьбою,
 Юньскихъ дней душистый Вы цвѣтокъ;
 Я—бѣдный, старый дубъ, надломленный грозю;
 Вамъ отъ меня не стыдно взять урокъ.
 Я знаю знанъ давно! Я видѣлъ скоротечность
 Земной красы, кипѣнья юныхъ силъ...
 Ему я самъ данъ сердца заплатилъ...

Минуетъ все, мой другъ, и юность, и безпечность,
 Сіяніе померкнетъ красоты,
 Какъ облетаютъ пышные цвѣты...
 А въ жизни есть одно, что прочно, неизмѣнно,—
 Я вамъ скажу его: то—вѣры свѣтъ нетлѣнной...

31 іюля 1889 г.

Стихотвореніе это такъ понравилось Константину Николаевичу, что онъ, къ великому моему смущенію, поклонился мнѣ за него въ ноги.

Отдавъ каллиграфически переписать его и расцвѣтить первыя буквы каждой строки красками, онъ послалъ его затѣмъ съ нарочнымъ княгинѣ Маріи Владиміровнѣ.

Въ отвѣтъ на это стихотвореніе она вскорѣ прислала ему тоже стихотвореніе, посвященное ему и написанное, по ея просьбѣ и отъ ея имени, гостившимъ тогда въ Оптиной Пустыни Александромъ Петровичемъ Саломономъ (впослѣдствіи директоромъ Императорскаго Александровскаго лицея), гдѣ она сравниваетъ себя съ павиликой, обвивающей дубъ.

Лѣтомъ 1891 года К. Н. Леонтьевъ принялъ въ Оптиной Пустыни тайный постригъ съ именемъ Климента, и въ концѣ августа этого года, съ благословенія отца Амвросія, переселился изъ Оптиной Пустыни въ Троице-Сергіевскую лавру, подъ руководство извѣстнаго старца Геесиманскаго скита отца Варнавы, келья котораго была у церкви Черниговской Божіей Матери.

Замѣчательно, что при разставаніи съ нимъ, на его грустное замѣчаніе: „Когда-то мы теперь увидимся!“ отецъ Амвросій, какъ передавалъ потомъ К. Н. Леонтьевъ, сказалъ ему, что они скоро, очень скоро увидятся. Этимъ старецъ предрекъ скорую свою и его кончину: 10-го октября 1891 г. скончался отецъ Амвросій, а 12-го ноября того же 1891 года не стало К. Н. Леонтьева.

Да и самъ Константинъ Николаевичъ предчувствовалъ свою кончину въ этомъ году. Вѣдь это былъ 1891 годъ, т. е. начало новаго десятилѣтія, а всѣ начала новыхъ десятилѣтій, съ самаго рожденія его въ 1831 г., были, по его наблюденію, ознаменованы неизмѣнно и непреложно очень важными для него, многозначительными и роковыми перемѣнами и переворотами въ его жизни. Но чего ждать ему теперь, оставшему, постоянно больному, жившему на

покоѣ? Какого переворота? Какой перемѣны? Конечно, смерти, одной только смерти... И онъ ждалъ ее. Мысль о ней въ этотъ послѣдній годъ его жизни была съ нимъ неразлучна. Не разъ высказывалъ онъ ее и мнѣ. Но, видя его постоянно оживленнымъ и всѣмъ интересующимся, интереснымъ и остроумнымъ, какъ всегда, даже и физически чувствовавшимъ себя, повидимому, лучше, чѣмъ когда-либо въ послѣдніе годы, не хотѣлось вѣрить, что смерть у него уже за спиной.

Да и ему самому не хотѣлось этому вѣрить, потому что не хотѣлось еще умирать. Въ высшей степени живой и общительный, всегда любившій жизнь и людей, не только какъ челоуѣкъ вообще, но и какъ мыслитель, находившій въ нихъ интересный матеріалъ для неустанной работы своей мысли, и, какъ чуткій художникъ и тонкій эстетикъ, умѣвшій видѣть прекрасныя стороны въ явленіяхъ жизни и наслаждаться ими, онъ въ послѣдніе годы свои имѣлъ еще и особыя причины интересоваться жизнью и желать хоть нѣсколько продлить ее.

Поворотъ „кормы родного корабля“, данный мощною рукою Державнаго Кормчаго, Императора Александра III, стоявшаго тогда у этой кормы, нѣкоторыя вѣянія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, которымъ онъ не могъ не сочувствовать, нѣкоторыя теченія въ обществѣ, въ которыхъ онъ не могъ не видѣть „добрыхъ признаковъ“, и, наконецъ, этотъ интересъ, это вниманіе къ его рѣчамъ столпившейся около него плеяды молодежи, кончившей курсъ ученія и готовившейся вступить въ жизнь или уже вступившей въ нее и дѣлавшей въ ней первые шаги,—все это занимало, интересовало и радовало его, такъ долго раньше почти совершенно одиноко плывшаго „противъ теченія“ и „вопявшаго въ пустынѣ“.

Теперь стало возможнымъ и такое явленіе, какъ, напримеръ, горячій интересъ къ нему тогда еще только начинавшаго свою литературную дѣятельность В. В. Розанова, узнавшаго о немъ изъ ссылокъ на его книги и краткихъ выдержекъ изъ нихъ въ статьяхъ талантливаго критика Ю. Николаева (Ю. Н. Говорухи-Отрока). В. В. Розановъ энергично принялся за собраніе свѣдѣній о Леонтьевѣ и за поиски его книгъ, — отыскалъ ихъ, прочелъ, пришелъ въ

восторгъ и, узнавъ адресъ автора, послалъ ему восторженное письмо съ обѣщаніемъ подробнаго разбора его ученія (напечатаннаго сейчасъ же послѣ смерти Леонтьева въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1892 г., 1 и 2). Возможнымъ стало и появленіе въ журналѣ г-жи Адавъ *La Nouvelle Revue* (1889 г., 2) статьи о Леонтьевѣ француза Портье д'Аркъ (подъ псевдонимомъ Чернова), крайне благожелательной, а мѣстами и прямо восторженной и хотя и не лишенной нѣкоторыхъ недостатковъ, но во всякомъ случаѣ очень лестной. Возможенъ сталъ интересъ къ нему и исканіе личнаго съ нимъ знакомства и бесѣдъ со стороны упомянутаго выше лучшаго критика того времени Ю. Н. Говорухи-Отрока и извѣстнаго публициста Л. А. Тихомирова.

Вотъ почему именно теперь, въ этотъ, какъ онъ предчувствовалъ, роковой для него годъ, ему особенно не хотѣлось умирать, и онъ страстно, порывисто хватался за всякій предлогъ, за всякую тѣнь надежды пережить его—и тогда дожить, можетъ быть, до начала слѣдующаго десятилѣтія...

Десять лѣтъ, цѣлыя десять лѣтъ! Какъ много можно въ нихъ увидѣть, передумать, перечувствовать, пережить, а главное—сдѣлать, особенно при столь благопріятныхъ, повидимому, обстоятельствахъ! И сколько накопилось драгоценнаго матеріала въ опытѣ пережитыхъ годовъ, передуманнаго, перечувствованнаго, что бесплодно, безъ пользы для другихъ придется унести въ могилу, и чѣмъ можно было бы еще сослужить службу Богу, Царю и Россіи, въ лицѣ ея молодежи, ея грядущихъ поколѣній, въ рукахъ которыхъ—ея будущее!

— Если я переживу этотъ годъ,—говорилъ онъ мнѣ,—я буду много работать, писать; а теперь, пока онъ не прошелъ, не могу, крылья связаны; подождите.

Не даромъ именно въ этомъ году онъ принялъ тайный постригъ: это было слѣдствіемъ частію предчувствія близкой смерти, частію желанія создать себѣ въ началѣ этого десятилѣтія какой-нибудь крупный переворотъ въ жизни. въ надеждѣ на возможность отсрочки на будущее самаго послѣдняго, неизбежнаго переворота въ ней, который онъ предчувствовалъ.

Переѣздъ послѣ того изъ Оптиной Пустыни въ Троицкую лавру объясняется также главнымъ образомъ попыткой его устроить себѣ возможность надежды на отсрочку.

Но отсрочкѣ этой не суждено было быть... Умеръ Константинъ Николаевичъ отъ воспаления легкихъ,—отъ той самой болѣзни, отъ которой, въ разговорѣ со мной, выражалъ желаніе умереть, предпочитая смерть отъ нея смерти отъ одной изъ старыхъ, затяжныхъ своихъ болѣзней (суженіе мочевого канала), мучительность смерти отъ которой онъ, какъ врачъ, хорошо зналъ.

Переѣхавъ изъ Оптиной Пустыни въ Троицкую лавру, онъ, имѣя въ виду, не торопясь, подыскать удобную квартиру въ Посадѣ, остановился пока въ Новой Лаврской гостиницѣ. Такъ какъ подходящей квартиры долго не находилось, то онъ рѣшилъ перезимовать въ гостиницѣ, и перешелъ внизъ, въ „графскій“ номеръ (который назывался такъ потому, что въ немъ долго жилъ графъ М. В. Толстой, писатель по церковнымъ вопросамъ). Номеръ этотъ находился въ сторонкѣ, налѣво отъ лѣстницы, когда входилъ въ гостиницу, и, перегороженный на нѣсколько комнатъ, представлялъ собой нѣчто въ родѣ отдѣльной квартиры. Номеръ былъ очень теплый: подъ нимъ, или почти подъ нимъ, какъ говорили тогда, находился котель парового отопленія.

Странное дѣло! На Константина Николаевича, всегда очень осторожнаго и предусмотрительнаго, нашло на этотъ разъ какое-то непонятное затменіе, и онъ поставилъ свой письменный столъ такъ, что кресло предъ нимъ пришлось довольно близко къ окну. Никого изъ домашнихъ его съ нимъ еще не было. Онъ жилъ совершенно одинъ съ недавно имъ нанятымъ въ Посадѣ слугой. И вотъ, сидя однажды за работой за письменнымъ столомъ на своемъ креслѣ, близъ окна, въ жарко натопленной комнатѣ, онъ (удивительная для него неосторожность!) почувствовалъ, что ему очень жарко, снялъ съ себя свою обычную суконную поддевку—и остался одѣтымъ очень легко. Слѣдствіемъ было воспаление легкихъ, отъ котораго онъ очень быстро сгорѣлъ. Болѣзнь продолжалась всего нѣсколько дней. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ ко мнѣ онъ жаловался лишь на легкую лихорадку. Подоспѣвшая, однако, къ послѣднимъ днямъ его преданная ему Варя выписала изъ Москвы доктора, который хорошо зналъ его и постоянно лѣчилъ. Болѣзнь за это время успѣла, однако, такъ подвинуться впередъ, что докторъ могъ лишь признать положеніе его безнадежнымъ, о чемъ Варя сейчасъ же извѣстила меня телеграммой.

Когда Константинъ Николаевичъ лежалъ больной на своемъ предсмертномъ ложѣ, въ душѣ его шла страстная, полная трагизма борьба между жаждой жизни и необходимостью покориться неизбежному, шелъ кипучій, неустанный, немолчанный прибой и отбой, приливъ и отливъ набѣгавшихъ другъ на друга, другъ друга смѣнявшихъ волнъ надежды и покорности. Проводившая эту ночь у его постели Варя рассказывала мнѣ, что, мечась въ жару, въ полу-сознаніи, въ полу-бреду, онъ то и дѣло повторялъ: „Еще поборемся!“ и потомъ: „Нѣтъ, надо покориться!“ и опять: „Еще поборемся!“ и снова: „Надо покориться!“

Въ концѣ концовъ ему пришлось таки „покориться“... Предчувствіе не обмануло его: этотъ роковой годъ унесъ его изъ жизни.

Не выходя изъ области смутныхъ чувствъ и роковыхъ предчувствій и предзнаменованій, расскажу здѣсь кстати еще объ одной маленькой касавшейся его подробности. Странное ли это совпаденіе или таинственное предзнаменованіе, не знаю. Я расскажу лишь то, что было. Пусть каждый судить самъ.

Въ послѣднюю поѣздку мою къ нему въ Троицкую лавру онъ далъ мнѣ послѣднее свое порученіе на землѣ, послѣднюю „комиссію“ свою, какъ онъ любилъ выражаться. Рѣшивъ остаться на зиму въ Лаврской гостиницѣ, онъ приступилъ къ устройству и отдѣлкѣ своего новаго помѣщенія по своему вкусу. Но это былъ вкусъ строгаго художника и тонкаго эстетика, въ глазахъ котораго подборъ въ сочетаніи цвѣтовъ, красокъ, игралъ весьма важную роль. На нижнюю часть оконъ ему нужно было повѣсить занавѣсочки, и занавѣсочки эти должны были быть непременно нѣжно-голубого цвѣта,—только этого и никакого другого. Онъ просилъ меня достать ему марли этого цвѣта въ Москвѣ—и или привезти, или, если отъѣздъ замедлится, переслать ему. Порученіе его я исполнилъ, но съ исполненіемъ этимъ случилась нѣкоторая странность, нѣсколько меня смутившая... Взявъ съ собой жену, лучше меня знающую толкъ въ этихъ вещахъ, я обѣгалъ съ нею чуть не половину Москвы, и нигдѣ такой марли найти не могъ. Наконецъ, въ одномъ мануфактурномъ магазинѣ на Петровкѣ намъ сказали, что марлю эту мы можемъ достать въ лавкѣ напротивъ. Мы вышли изъ магазина, взгля-

нули по направленію указанной намъ лавки, и остановились въ смущеніи: то была... гробовая лавка. Словно по инерціи, мы вошли въ эту лавку, спросили нужную намъ марлю, и намъ ее подали. Дѣлать нечего, пришлось взять. Марля была послана Константину Николаевичу; но повѣсить ее на окна Лаврской гостиницы уже не пришлось. Она могла пригодиться ему развѣ лишь для украшенія самаго послѣдняго на землѣ тѣснаго убѣжища, которое сейчасъ же вслѣдъ за полученіемъ ея пришлось заказывать.

Получивъ отъ Вари совершенно неожиданно телеграмму съ извѣстіемъ о безнадежномъ приговорѣ доктора, мы съ женой бросились въ Троицкую лавру...

Подходя къ номеру Константина Николаевича, мы встрѣтили выходившаго изъ этого номера духовника его, старца отца Варнаву, наканунѣ исповѣдывавшаго и причащавшаго его, а теперь заходившаго навѣстить его и проститься съ нимъ. Онъ сказалъ намъ, что онъ идетъ къ Богу примиреннымъ, очищеннымъ...

Отворивъ дверь, мы вошли къ Константину Николаевичу. Онъ уже былъ безъ сознанія. Мнѣ показалось, однако, что во взглядѣ, который онъ остановилъ на мнѣ, когда я къ нему подошелъ, на мгновеніе вспыхнуло сознаніе, и онъ хотѣлъ что-то сказать мнѣ, но уже не могъ. Мнѣ пришлось присутствовать лишь при послѣднемъ вздохѣ его.

Когда этотъ вздохъ вылетѣлъ изъ груди его, лицо его успокоилось и просвѣтлѣло. Съ него слетѣли послѣднія тѣни земныхъ заботъ и тревогъ. Онъ понялъ теперь окончательно, что „надо покориться“. Онъ радъ былъ, что покорился. Онъ успокоился.

Анатолій Александровъ.
